

Манипуляция судом присяжных

Из практики рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей можно выделить следующие наиболее распространённые ухищрения, применяемые председательствующим по делу профессиональным судьёй в целях противодействия постановлению и оглашению оправдательного вердикта.

Необоснованный отвод присяжных заседателей.

Это может происходить по инициативе стороны обвинения (государственного обвинителя или, что случается чаще, потерпевшего), когда ими делается голословное заявление о контактах защитника или родственников подсудимого с кем-либо из присяжных. Происходит это, как правило, в конце судебного процесса, чаще непосредственно до или после прений. Надо полагать, что это связано с предполагаемой или наличной осведомлённостью лиц, осуществляющих оперативное сопровождение дела, а следовательно, и государственного обвинителя, о настроениях среди присяжных заседателей. Утверждать об источниках такой осведомлённости нельзя, уверенно предполагать - можно. Так дважды происходило в деле подсудимого Л., рассмотренного в 2013 г., когда в одном случае это привело к полному роспуску скамьи, а в другом - к целенаправленному надуманному отводу троих присяжных из основного состава, что, в результате, позволило обвинению достичь перевеса в один голос по одному из восьми эпизодов обвинения (по остальным он был оправдан). Аналогичный случай имел место в деле С. и Р. в 2017 г., когда потерпевший просто указал на одного из защитников пальцем и заявил, что этот адвокат общался с таким-то присяжным (в результате перевес в сторону обвинения в один голос).

Практика показывает, что суды, особенно по делам с мощным оперативным сопровождением, не критично относятся к таким заявлениям стороны обвинения, не проверяют обоснованность и, как правило, незамедлительно удовлетворяют их. Ситуация меняется, если с таким заявлением выступает сторона защиты. Здесь либо следует необоснованный отказ, как это было в деле Л. и др. в 2016 г., когда, несмотря на фотофиксацию 40-минутного общения одной из присяжных с оперативником, подтверждённую камерой наблюдения, суд отказал в удовлетворении отвода, либо основания, выдвинутые защитой, проверяются буквально под микроскопом, как это было в деле К. и др. в 2022 г.

Если эта тенденция не измениться (а рассчитывать на это наивно), то противостоять такому злоупотреблению крайне сложно. Но - предупреждён, почти спасён. Главная рекомендация защитнику - быть начеку, помнить об этой уловке, принимать все возможные превентивные меры в каждой конкретной ситуации.

Роспуск коллегии присяжных заседателей после фактического вынесения оправдательного вердикта, но до его провозглашения.

Это относительно новое явление в области манипуляций судом присяжных. Впервые я с этим столкнулся в 2016 г. по делу Л. и др., когда председательствующий по делу судья сначала стал бесконечно возвращать недоумевающих присяжных в совещательную комнату под предлогом (как потом оказалось, надуманным) неясности вердикта, затем, наконец, дотянув где-то до 16 ч., объявил перерыв до следующего дня, несмотря на активные возражения защиты, настаивавшей на работе коллегии вплоть до ночного времени как времени отдыха. На следующий день ровно половина коллегии (6 из 12) не явилась - кто-то вдруг неожиданно заболел, кого-то вдруг не пустило начальство по работе, хотя все они исправно являлись в каждое судебное заседание на протяжении 4-х месяцев. Как результат - немедленный, без обсуждений и ожиданий, роспуск коллегии и объявление нового набора. На все последующие многочисленные ходатайства защиты ознакомиться с судебным томом со стороны председательствующего следовал неизменный отказ под предлогом, что в УПК нет понятия ни судебного, ни последнего тома, а с делом все ознакомились и т.д. Лишь после провозглашения обвинительного вердикта новой коллегией и постановления обвинительного приговора председательствующий разрешил ознакомление с тем самым судебным томом, где и был обнаружен оправдательный вердикт первой коллегии присяжных заседателей, подписанный старшиной коллегии, но который председательствующий по делу заблокировал для оглашения по вышеуказанной схеме. Нужно сказать, что Судебная коллегия Верховного Суда по жалобам защиты с указанием на данные факты отменила обвинительный приговор, дело направила на новое рассмотрение, в отношении председательствующего судьи вынесла строжайшее частное определение.

Аналогичная схема была использована в 2018 г. в деле студентки К., Ленинским районным судом г. Самары.

В октябре 2022 г. аналогичная схема была реализована в Областном суде по делу Д. и В. Здесь, правда, указанная схема имела лёгкое творческое развитие, когда неявке присяжных способствовали сотрудники ГИБДД, в последний (третий) день вынесения вердикта остановившие движущихся в суд присяжных под не подтверждённым затем предлогом алкогольного опьянения и даже спровоцированного в отношении одного из присяжных ДТП. Однако суд, будучи достоверно осведомлённым о наличии таких уважительных причин опоздания членов коллегии, не стал их дожидаться и распустил коллегию присяжных заседателей, которые уже вынесли оправдательный вердикт, но по вышеуказанным причинам не успели его огласить.

Что делать защитнику в таких ситуациях? Сложно сказать. Адвокат здесь практически бессилён, поскольку всё манипулирование судом присяжных происходит тайно и за рамками процесса, в котором только и участвует адвокат. Если что-то и можно попытаться сделать, то, пожалуй, на несколько более ранних стадиях, когда для реализации описанной схемы используются вспомогательные или подготовительные схемы манипуляций.

Подготовительные схемы манипуляции присяжным судом.

К ним следует отнести некорректную постановку вопросов перед присяжными, неоднократное возвращение их в совещательную комнату для исправления противоречий и неясностей, направление их в совещательную комнату в конце рабочей недели и прерывание их совещания до конца или в связи с окончанием рабочего дня, а также на выходные.

Некорректная постановка вопросов в вопросном листе для присяжных заседателей.

Как известно, перед присяжными ставится три с половиной вопроса: о событии, о причастности, о виновности и плюс к ним о снисхождении. Так, если дело об убийстве, то должны быть вопросы о факте криминальной смерти (по сути, это вопрос о потерпевшем), о причастности к этому подсудимого, его виновности и заслуживает ли он снисхождения. Вопросы, как того требует закон, должны ставиться в максимально простых и ясных формулировках. Между тем, на практике первый вопрос о событии ставится так, что логически он предрешает собою вопрос о причастности. Т.е. в первый вопрос будет вшита вся фабула обвинения (кроме субъективной стороны), в которой лишь имя подсудимого будет заменено словом «лицо», но из конкретных обстоятельств этой фабулы вопрос о причастности подсудимого будет предрешён. Допустим, Иванов обвиняется в убийстве Петрова в ходе совместного распития спиртных напитков в гараже. Больше там в это время никого не было (хотя Иванов отлучался, а дверь оставалась открытой). Что должны будут ответить присяжные на вопрос о том, доказано ли, что при изложенных обстоятельствах лицо нанесло пострадавшему такие-то повреждения, от которых он скончался? Ведь действительно повреждения такие и пострадавший скончался, значит, нужно отвечать «да». Но к этому событию криминальной смерти (повреждения, скончался) ещё привязываются конкретные обстоятельства, в которые вплетён обвиняемый, который лишь на время обезличен. Когда присяжные подходят ко второму вопросу, они уже запрограммированы на утвердительный ответ, т.е. чтобы заменить термин «лицо» обратно на Иванова, ведь Иванов обвиняется в убийстве при данных обстоятельствах. Ответить «нет» на первый вопрос, поставленный таким образом, невозможно, т.к. факт криминальной смерти бесспорен. Более того, второй вопрос о причастности ещё и начинаться будет со слов: «Доказано ли, что при изложенных обстоятельствах ...». Если присяжные отвечают «нет» на второй вопрос о причастности, они логически входят в противоречие с ответом на первый вопрос, который латентно уже несёт в себе ответ о причастности Иванова, поскольку никто другой при указанных в обвинении обстоятельствах не фигурировал. У автора в практике был единственный случай по делу С., где удалось убедить судью Нефтегорского районного суда исключить из первого вопроса обстоятельства, указывающие на причастность подзащитного к описываемым в обвинении событиям, однако на этом основании последующий оправдательный вердикт и приговор были отменены Областным судом, полагающим, что первый вопрос должен быть поставлен строго в соответствии с обвинением (в последующем преследование С. было прекращено за отсутствием состава преступления). Хотя очевидно, что при постановке трёх вопросов обвинение надлежит препарировать и вычленять из него событие, причастность, виновность, при этом так, чтобы один вопрос не предрешал ответа на последующий вопрос.

Защитнику необходимо видеть эту логико-лексическую манипуляцию, направленную на сознание присяжных в целях предрешённости ответов о причастности и виновности, а как минимум, на искусственное создание противоречивости в ответах присяжных как основания неоднократного контролируемого возвращения их в совещательную комнату на этапе вынесения вердикта. Это нужно, во-первых, видеть, а затем максимально противодействовать этой манипуляции, настаивая на постановке простых и ясных вопросов,

относящихся только к событию, только к причастности, только к виновности, так чтобы ни один из них не предрешал ответ на последующий. Председательствующий, судя по практике, скорее всего, не согласится, тогда остаётся достаточно простой способом противодействия этому в виде замечания к напутственному слову председательствующего с просьбой ещё раз подробно разъяснить присяжным заседателям их право делать в своих ответах оговорку «за исключением». Таким образом, присяжные смогут собственными силами минимизировать возможные противоречия в своих ответах, тем самым, уменьшив возможность последующей манипуляции.

Неоднократное возвращение присяжных заседателей в совещательную комнату для исправления противоречий и неясностей.

Это тревожное для защиты явление, поскольку таким способом председательствующий может раз за разом подталкивать присяжных через старшину, которому неслышно для участников указывает на те или иные неясности и противоречия, к нужному решению. С максимальной вероятностью, это не то, что нужно защите, которая никак не сможет воздействовать на происходящее. Но хотя бы должна понимать это самое происходящее. У которого, кстати, есть ещё одна побочная цель манипулирования, о которой ниже.

Направление присяжных заседателей в совещательную комнату в конце рабочей недели и прерывание их совещания до конца или в связи с окончанием рабочего дня, а также на выходные.

Известно, что в совещательной присяжные должны быть столько, сколько потребуется для вынесения вердикта, а прерываться они вправе только для отдыха. Когда начинается отдых - с наступлением ночи или в конце рабочего дня, должны ли входить сюда выходные - вопрос не ясный. Признаком процессуального злоупотребления председательствующего, стремящегося к манипулированию коллегией присяжных, будет стремление к максимальным перерывам. Подведение процесса с направлением присяжных в совещательную комнату в конце рабочей недели максимально содействует этому, как и использование двух предыдущих вышеописанных подготовительных схем. Наличие на этапе совещательной комнаты длительных перерывов, как под предлогом отдыха, так и под любыми иными надуманными предложениями (в деле Л. в 2013 г. для этих целей даже «минировали» Областной суд) даёт очевидную возможность для скрытых и недобросовестных сил подготовиться либо к созданию условий для отвода неугодных присяжных заседателей или всей скамьи в целом, либо к моделированию условий для роспуска коллегии присяжных заседателей после фактического вынесения оправдательного вердикта, но до его провозглашения, о чём и описывалось выше.

Задача адвоката - адекватно понимать опасность таких искусственных затяжек и перерывов и настаивать на их минимизации, прилагая к этому все возможные усилия, в том числе, открыто и заранее доводя до суда под протокол свои опасения действиями председательствующего и его возможными манипулятивными целями, о которых мы говорили выше.

Формирование дефектной скамьи присяжных заседателей.

Если до этого мы вели речь о способах манипуляции присяжным судом, используемых на завершающих стадиях процесса - на этапе прений или вынесения вердикта, когда «каким-то» образом председательствующему и гособвинению становится известно или понятно, что исход дела клонится в сторону защиты, то изначальное и целенаправленное формирование дефектной скамьи присяжных является своего рода миной замедленного действия, подкладываемой под процесс, которая должна будет приведена в действие гособвинением либо в его конце, либо на последующих стадиях обжалования. Мы не можем исключить и другой цели - внедрения в состав присяжных информаторов и/или агентов влияния. Здесь есть пара неоднократно встречающихся способов.

Первый способ, практически общий, заключается в том, чтобы в составе присяжных оказались кандидаты, которые скрыли бы те или иные обстоятельства, которые у них выясняются при отборе, например, про привлечение к административной ответственности, про судимых родственников и т.п. В дальнейшем ссылка на это обстоятельство даёт сторонам основание заявить отвод присяжному или сослаться на это при обжаловании приговора. Нюанс здесь заключается в фактическом неравноправии сторон. Прокуратура как собственными силами, так и с помощью оперативно-следственного сопровождения может легко получить всю подноготную на каждого отобранного присяжного и использовать такой компромат в любое удобное время. Ссылки на это в апелляционных представлениях государственных обвинителей являются обычным делом. Возможности стороны защиты здесь крайне ограничены и даже полученную, скажем, от детектива информацию невозможно легализовать, не прибегая вынужденно к тем или иным хитростям.

Рекомендацией для защиты в этом случае может быть превентивное заявление ходатайства после формирования скамьи присяжных к председательствующему о направлении судебных запросов в органы МВД о получении судом объективной информации по каждому из присяжных о привлечении их к административной или уголовной ответственности. Суд может спокойно отреагировать на такое ходатайство и удовлетворить его (как по вышеупомянутому делу С.), а может взять неоправданно длинный таймаут для «совещания» и потом отказать. Последнее сразу же должно насторожить и заставить задуматься, чего испугался судья. Что касается сведений о родственниках (судимости и т.п.), здесь сложнее и, возможно, без помощи детектива и т.п. не обойтись. В любом случае, мы должны понимать, что не только нашим правом, но и обязанностью является максимально возможный контроль за законным составом суда.

Второй способ заключается в введении при формировании скамьи присяжных лиц не из числа кандидатов. Такие случаи гораздо реже, но встречаются. Так было у автора в 2012 г. по делу Л, когда 25-летний приговор был отменён в Верховном Суде на том основании, что избранный старшиной присяжных мужчина даже не состоял в числе кандидатов в присяжные. Отмена сопровождалась частным определением Верховного Суда в адрес Председателя Областного суда и привела к последующим увольнениям и дисциплинарным наказаниям сотрудников аппарата суда. Похожая ситуация имеет место у автора по делу Б., где один из присяжных оказался с иным отчеством, чем человек в списке кандидатов. При этом защита отрицательный результат по делу связывает с активным влиянием именно этого присяжного на остальных заседателей, что было достаточно очевидно, который, к тому же, скрыл ещё и факт своего привлечения к уголовной

ответственности за угон автомобиля (после чего стал «активно содействовать в работе оперативных служб»).

Для защиты выявить все эти факты не так-то просто. Казалось бы, что для этого всего-то надо произвести сверку со списком кандидатов, но дело в том, что у большинства наших коллег мысль о возможности такого наглого подлога даже не возникает. Кроме этого, разобраться со списками, а главное, найти их, не такая уж простая задача. Суды сводные списки у себя на сайте не публикуют (хотя эта информация имеет отношение к составу суда, пускай и временному), видимо, это не в их интересах. А разыскать всё это самостоятельно сложно. Но - возможно. А учитывая изложенные факты - необходимо.

В завершении хотелось бы сказать следующее. Данная статья не претендует на развёрнутый анализ процессуальный и внепроцессуальных наличных и возможных злоупотреблений в целях манипулирования судом присяжных. Их перечень можно продолжать. Например, действия недобросовестно заинтересованных лиц в отношении присяжных под видом мнимых представителей защиты, что также встречалось у автора в практике. Есть и другие схемы. Здесь автор постарался в более-менее системном виде изложить те схемы манипуляции, которые не только встречал в собственной практике, но и знаком с ними из других известных дел коллег. Эти схемы имеют чётко выраженный характер тенденции, подтверждённой, что называется, эмпирически. Автор воздержался от риторического пафоса о преступном воспрепятствовании правосудию и руководствовался лишь желанием поделиться с коллегами приобретённым опытом, наблюдениями и возможными способами противодействия такому манипулированию.
